

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
Н72

Редколлегия:

*Н.В. Башнин (отв. секретарь), Ю.Н. Беспятовых, С.А. Исаев, Н.В. Михайлов,
П.В. Седов (отв. редактор), А.Н. Цамутали*

Рецензенты:

*д.и.н. З.В. Дмитриева
д.и.н. П.А. Кротов*

Н72 **Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв.:**
Сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 480 с. — (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН; вып. 4 (20)).
ISBN 978-5-4469-1479-1

Выпуск 4 (20) «Трудов» приурочен к 100-летию со дня рождения выдающегося историка русского средневековья Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995). Статьи учеников и коллег Игоря Павловича тематически продолжают те направления исследований, в которые И.П. Шаскольский внес значительный вклад.

Издание рассчитано на специалистов-историков и всех интересующихся прошлым нашего Отечества.

ISBN 978-5-4469-1479-1

9 785446 914791

**УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4**

© Коллектив авторов, 2018
© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Содержание

Предисловие (<i>М.Б. Свердлов</i>)	4
<i>Свердлов М.Б.</i>	
И.П. Шаскольский и «норманская проблема»	11
<i>Анисимов Е.В.</i>	
Речь Петра Великого на Полтавском поле в 1709 году (к анализу источников)	67
<i>Базарова Т.А.</i>	
Один год из истории кораблестроительной верфи в Новой Ладогe: Расходная книга государевой денежной казны 1711–1712 гг.	98
<i>Вовина-Лебедева В.Г.</i>	
Дворцовая волость Русского Севера в 1700-х годах (по материалам Кургомени)	166
<i>Проскурякова М.Е.</i>	
Русско-шведское разграничение в Финляндии и институт пограничных комиссаров после Ништадтского мира	248
<i>Сазонова Т.В.</i>	
«Зборная книга» Кирилло-Новоезерского монастыря первой четверти XVIII в.	287
<i>Анисимов Е.В., Беспярых Ю.Н.</i>	
А. А. Хюльферс. Дневник пребывания в Петербурге летом 1760 года	334
Библиография трудов И.П. Шаскольского	421
Аннотации	459
Abstracts	466
Список сокращений	473
Сведения об авторах	474
Contacts of authors	475

Предисловие

Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995) — один из тех отечественных историков, кто изучал историю России, скандинавских стран и Финляндии, прибалтийских народов и Карелии в контексте их научного анализа, в органичной связи с общественно-политической жизнью своей страны в XX в. Особый интерес И. П. Шаскольского к исследованию истории Северо-Запада и Севера России, стран и народов Северной Европы и Прибалтики в значительной мере был предопределен его происхождением коренного петербуржца. Сама судьба этого города была обозначена Петром Великим. Петербург — столица модернизированной Российской империи, центр формирования новой русской культуры, органично интегрировавшей технические и научные достижения западноевропейских держав, опорный центр России в обширном Балтийском регионе. Вероятно, эти традиции, сохраненные в течение двух последующих столетий, стали причиной того, что И. П. Шаскольский уже в юности решил изучать историю русско-скандинавских отношений.

В Петербурге-Петрограде-Ленинграде 1880-х — 1930-х годов многие проблемы исторического прошлого этого региона начиная с так называемой «эпохи викингов» исследовались историком Г. В. Форстеном, филологами Ф. А. Брауном и В. А. Бримом, историком и филологом Е. А. Рыдзевской, а также другими исследователями. Их опыт был освоен И. П. Шаскольским еще в годы обучения на историческом факультете Ленинградского

университета (1936–1941). Факультет давал тогда студентам великолепную профессиональную подготовку. Время социологизированных и политизированных схем к тому времени отчасти миновало. Лекционные курсы и семинарские занятия по российской и всеобщей истории выдающихся отечественных ученых Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле, В. В. Струве, Б. А. Романова, В. В. Мавродина, С. Б. Окуня, О. Л. Вайнштейна, М. А. Гукковского, О. А. Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинской, других профессоров и преподавателей вопреки историческим схемам сталинизма создавали на факультете среду высокого профессионализма и активной интеллектуальной деятельности. Для студентов, которые специализировались по российской истории, особое значение имели также лекции и практические занятия С. Н. Валка и М. Д. Приселкова, которые продолжали традиции великих ученых А. С. Лапко-Данилевского и А. А. Шахматова. Они передавали студентам накопленный коллективный и собственный опыт по историографии и источниковедению, прежде всего по изучению актовых материалов и летописания. М. Д. Приселков стал научным руководителем Шаскольского.

Лекционные курсы и семинарские занятия на истфаке воспитывали в студентах понимание единства исторического процесса, места и значения в нем России, соотношения в этом процессе экономического, социального, политического факторов, материальной и духовной культуры.

Одновременная подготовка И. П. Шаскольского не только по историческому, но также по археологическому отделению способствовала его пониманию конкретного содержания вещной среды, быта раннесредневекового русского общества, истории архитектуры и искусства того времени. Вероятно, существенное значение имело для него участие в ладожской археологической экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса и в киевской экспедиции 1940 г. под руководством замечательного знатока древнерусской архитектуры и искусства М. К. Каргера. Основной задачей киевской экспедиции являлось изучение сохранившегося фундамента церкви святой Богородицы Десятинной — первого русского кафедрального каменного храма,

построенного византийскими мастерами. Такой археологический опыт воспитывал широту и глубину понимания древнерусской истории в ее исторически обусловленном единстве и сложности содержания. Двадцать семь лет спустя И. П. Шаскольский опубликует в сборнике статей в честь профессора М. К. Каргера «Культура и искусство древней Руси» (Л., 1967) статью «Памятники русской архитектуры XIV–XVI вв. в городе Корела», а также в коллективном труде «Краткий очерк истории русской культуры: С древнейших времен до 1917 года» (Л., 1967) раздел, посвященный русской культуре IX – начала XIII в. (в соавторстве с Ю. А. Лимоновым).

Высокий уровень профессиональной подготовки в университетские годы и сформировавшиеся научные интересы подготовили И. П. Шаскольского к предстоящему изучению самых разных проблем отечественной истории. Но на содержание этих проблем значительно повлияли политические события и конкретные биографические обстоятельства.

На годы университетского обучения И. П. Шаскольского пришлось политическая и военная активизация нацистской Германии. Западные державы отказались от предложений СССР скоординированно ей противодействовать. Их Мюнхенское соглашение с Гитлером в 1938 г. способствовало в частности германской оккупации Судетской области в том же году, а в 1939 г. – всей Чехословакии. Этим воспользовалась Польша, которая в 1938 г. ввела свои войска в чешскую часть Тешинской Силезии. Значительно активизировалось нацистское влияние на правящие слои Латвии и Эстонии. В марте 1939 г. Германия отторгла от Литвы Мемель (Клайпеду) и Мемельскую область. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. 30 ноября 1939 – 12 марта 1940 г. произошла так называемая «зимняя война» между СССР и Финляндией. В результате восстановления советской власти в Литве, Латвии и Эстонии эти республики в начале августа 1940 г. вошли в состав СССР.

Вследствие таких событий в СССР появился общественный и политический запрос на научное изучение их предыстории начиная со средних веков. Ответом на такой запрос стал цикл

научных и научно-популярных статей И. П. Шаскольского, посвященных борьбе русского и финского народов против средневековой шведской агрессивной политики, изучению отношений русских с финнами и эстами в древности. Данные статьи были написаны еще в студенческие годы. Но это исследовательское направление, дополненное И. П. Шаскольским в годы его аспирантуры (1945–1947) и в последующее время анализом широко понимаемых русско-прибалтийских отношений, стало одним из основных в его научных разысканиях. Оно было обобщено в монографиях «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.» (Л., 1978), «Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке» (Л., 1987), «Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии, конец XIII – начало XIV в.» (Петрозаводск, 1987)¹.

Уже в первых статьях И. П. Шаскольский анализировал не только отношения в раннем средневековье русского народа и государства с западными финно-угорскими племенами, карелами, эстами, емью и другими. Он уделял внимание также внутренней истории этих племен, что соответствовало методологическим установкам советского времени в исследовании истории России с древних времен как страны многих этносов, а их культур — как самоценных, объединенных взаимодействием с русской культурой. Такое исследовательское направление нашло в многочисленных работах И. П. Шаскольского хронологическое, социально-политическое и этнокультурное продолжение до XVIII в. Их написание стало важным фактом его научной биографии.

Великолепная научная подготовка позволила И. П. Шаскольскому начать работу в академических исследовательских учреждениях. В 1949–1953 гг. он являлся старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала АН СССР в Петрозаводске. Результаты его исследований, предварительно опубликованных в виде

¹ Здесь и далее см. библиографию трудов И. П. Шаскольского в данном сборнике, с. 337–455; см. там же все библиографические сведения об этих публикациях.

статей, обобщены в монографии «Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в.» (Петрозаводск, 1950), а также в главах двух фундаментальных коллективных трудов «История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века» (Петрозаводск, 1952) и «Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в.» (М., 1955). Первый из них был издан в виде макета и хранится в библиотеках в небольшом количестве экземпляров, но он имеет большое научное и историографическое значение. Впрочем, изучением этнической, социальной и экономической истории Карелии И. П. Шаскольский продолжал заниматься до конца своей творческой деятельности.

В работах ранее названных исследовательских направлений И. П. Шаскольский многократно обращался к вопросам исторической этнической географии, географии городов и сельских поселений. Изучение таких тем он совмещал с написанием работ в научной и научно-популярной форме, посвященных истории городов, историческому краеведению (Таллин, Приозерск, Тихвин, Выборг, Псков, Кола). По-видимому, эти разыскания способствовали тому, что однокурсник и товарищ И. П. Шаскольского М. И. Белов, исследователь истории Русского Севера и Сибири, руководитель Отделения истории географических знаний Географического общества СССР, привлек его к участию в работе Отделения. В 1981 г. И. П. Шаскольский стал его преемником в этой должности. Так что с 1950-х годов все эти научные проблемы исторической географии, в частности экономической, социальной и политической истории городов, также остались постоянным содержанием его исследований.

В связи с зачислением в 1956 г. в штат Ленинградского отделения Института истории АН СССР И. П. Шаскольский стал участвовать в подготовке к изданию фундаментальных сборников документов «Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века, 1861–1904» (М.; Л., 1960), «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке» (М.; Л., 1960). Особой темой стало историографическое изучение так называемой «норманской проблемы». Эти исследования исторических источников и историографии, а также написан-

ные на данные темы циклы статей были обобщены в монографиях «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством» (М.; Л., 1964), «Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке» (СПб., 1998), «Норманская теория в современной буржуазной науке» (М.; Л., 1965). Впрочем, во многих статьях он анализировал также экономические отношения средневековой России с Данией, Норвегией и Финляндией. Так называемая «норманская проблема» стала для него лишь одной из тем изучения сложного процесса образования Древнерусского государства и его истории в IX – первой трети XIII в.

Постоянное внимание И. П. Шасколький уделял анализу всех видов исторических источников, включая такой новый их вид, как берестяные грамоты, по интересовавшим его научным проблемам.

Чтение с 1951 г. на высоком профессиональном уровне лекционного курса «История скандинавских стран» на филологическом факультете Ленинградского университета, а также постоянное изучение истории Скандинавии и русско-скандинавских отношений способствовали формированию И. П. Шаскольского как скандинависта. Он публиковал статьи и выступал с докладами на научных конференциях по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии в связи с проблемами их исследования. Поэтому И. П. Шаскольский был приглашен в состав авторских коллективов по написанию «Истории Швеции» (М., 1974) и «Истории Норвегии» (М., 1980), изданных Институтом всеобщей истории АН СССР.

Универсальная научная подготовка позволила И. П. Шаскольскому принять участие в сборе материалов и написании разделов, посвященных аграрной истории Ижорской земли, в фундаментальном коллективном труде «Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)» (Л., 1989). Три раздела этой монографии написаны И. П. Шаскольским в соавторстве с Ю. Н. Беспятых.

И. П. Шаскольский был неизменно доброжелателен к коллегам, открыт для сотрудничества с ними. Поэтому у него так

много работ, написанных в соавторстве, а также публикаций исторических источников и коллективных работ, совместно подготовленных к печати. Он являлся научным руководителем аспирантов, которые стали известными специалистами — Ю. Н. Беспятых, В. Е. Возгрина, Г. М. Коваленко, П. А. Кротова, Т. Н. Шрадер и других.

В 4-м (20) выпуске «Трудов Санкт-Петербургского института истории РАН», посвященном И. П. Шаскольскому, опубликованы статьи его сотрудников. Содержание этих статей продолжает те направления исследований, в которые значительный вклад внес И. П. Шаскольский — историография «норманской проблемы», Россия в годы Северной войны, русско-шведские отношения и Финляндия, анализ исторических источников и их публикация.

М.Б. Свердлов

М. Б. Свердлов

И. П. Шаскольский и «норманская проблема»

«Норманская проблема», т. е. определение значения скандинавов в формировании Русского государства IX–X вв. — сложная в своем содержании тема. И. П. Шаскольский использовал научные исторические категории *Древнерусское* и *Русское государство* альтернативно. «Норманская проблема» дискутируется, и иногда весьма ожесточенно, более 250 лет. Значительное место в этом исследовательском процессе и его историографическом изучении занимают труды И. П. Шаскольского. Анализ их научного содержания также подразумевает историографическое изучение этой темы. На нее, как и на историческую науку в целом, постоянно воздействовали субъективные и объективные факторы — личность историка и его судьба, социально-политические и философские концепции, экономическое состояние страны того времени.

Возникновение «норманской проблемы» традиционно относят к дискуссии, которая имела место в Петербургской Академии наук при обсуждении в 1749–1750 гг. диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Между тем ее определяющие начала были сформулированы на 200 лет ранее австрийским бароном Сигизмундом Герберштейном. Первое издание его труда «Записки

о Московитском государстве», где они изложены, опубликовано в 1549 г.¹

С. Герберштейн (1486–1566) родился в Крайне, вырос в многоэтничной среде Крайны и Истрии, где находились владения его отца. Матерью барона была словенка. Так что кроме немецкого он хорошо владел славянским языком. Герберштейн учился в Венском университете, но вследствие материального положения семьи перешел в 1506 г. на военную и дипломатическую службу императорам Священной Римской империи. С 1515 г. он стал членом Придворного императорского совета. Исполнял Герберштейн также дипломатические поручения в Турции и разных странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в 1517 и 1526 гг. — в России, которая стала союзницей империи.

С. Герберштейн собирал материалы для своего труда (в русской традиции закрепилось название «Записки о Московии»)², изучая труды предшественников, картографические материалы, используя собственный опыт и сведения от собеседников, в частности — русских людей, а также литовских и польских информаторов. Находясь в русских землях, он проверял и уточнял сведения своих предшественников, подтверждая их или дискутируя с ними. В России он ознакомился с содержанием русских летописей, жалованных грамот, Судебника 1497 г. и других произведений русской письменности. Так что в последующие издания «Записок о Московии» Герберштейн вносил определенные исправления и дополнения.

В этой книге древнейшее историческое прошлое *Руссии* (Russia) С. Герберштейн изложил в соответствии с летописями, начальная часть которых была близка к Повести временных лет (далее — ПВЛ). Он написал, что не смог узнать что-либо опреде-

¹ *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Vienne, 1549; см. об этом труде прежде всего: 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999: Jubiläumsvorträge / Hrsg. von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002.

² Последнее русское издание: *Герберштейн С. Записки о Московии* / Перевод А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 2008. Т. 1–2; см. там же литературу.

ленное ни о хазарах, «кто они и откуда», ни о варягах. Но о варягах Герберштейн предпринял собственные разыскания.

Он знал из летописей, что на Руси Балтийское море называлось Варяжским. Оно отделяло Пруссию, Ливонию и русские владения от Швеции. На основании этих сведений, как написал С. Герберштейн в третьем латиноязычном издании 1556 г., он «думал, что вследствие близости (расстояний по морю? — М. С.) князьями их (*principes illogum*) были шведы, датчане или пруссы». В немецком авторизованном переводе по венскому изданию 1557 г. вместо выделенных курсивом слов написано иначе: «Я долгое время думал (*Hab ich lang gedacht*), что *варягами* были шведы, пруссы или датчане».

Далее С. Герберштейн отметил пограничное положение с Любеком и герцогством Гольштейн некогда знаменитейшего города и области «вандалов» «Вагрии». В немецкоязычном издании 1557 г. он написал уже в соответствии с более поздними реалиями, что они населены славянами (“*durch die Wenden bewont*”). Племенное название этих славян — вагров — он соотнес с «Варяжским морем», т. е. с русским названием Балтики. Отсюда, по Герберштейну, следовал вывод, что варягами являлись славяне-вагры. Чтобы объяснить их особое значение для древнейшей истории *русских* (лат. *Rhuteni*, нем. *Reissen*), он написал, что вандалы/венеды были тогда могущественными, с теми же языком, нравами и религией, что и *русские*. Отсюда он заключил: «<...> мне представляется, что рутенам предпочтительнее призвать своих князей из вагров, или, лучше сказать (*potius*), варягов, чем передать власть чужим, другим по своей религии, обычаям и языку»³.

С. Герберштейн был человеком эпохи Возрождения. Ему было свойственно активное творческое начало. Он не мог не использовать возможность самостоятельно исследовать один из сложнейших вопросов древнерусской истории — проблему определения этнической принадлежности варягов. Исходя из хорошо известных ему географических реалий прибалтийских стран,

³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 40–45. Перевод приведен с уточнениями.

включая северо-западную часть русских земель, а также сведения исторических источников, он «долгое время» считал, что варягами являлись шведы, датчане, к которым он присоединил пруссов. Но позднее он это свое мнение пересмотрел на основании созвучия племенного названия вагров и Варяжского моря; вагры и русские — славяне, у них близкие в древности язык, нравы и языческая религия. Поэтому варяги — это вагры.

Таким образом, уже эрудит эпохи позднего Возрождения на уровне частичной исторической информации, созвучий этнонимов и географических названий наметил два пути изучения «норманской» проблемы: варяги — это скандинавы и другие прибалтийские народы эпохи викингов или только прибалтийские славяне.

Научное исследование «норманской проблемы» было начато в Санкт-Петербургской академии наук, которая продолжала руководствоваться петровскими принципами участия в едином европейском пространстве России, сохранявшей свои этнокультурные особенности⁴.

Теофил Зигфрид Байер (1694–1738) получил хорошую для своего времени историческую и филологическую подготовку в германских университетах. В 1726 г. он прибыл из Кенигсберга в Петербург, где стал первым в России профессиональным историком. В своих опубликованных в «Комментариях императорской Петербургской академии наук» исследованиях он подверг критике существовавшие тогда мнения о принадлежности Рюрика к пруссам, а пруссов — к славянам, о родстве прусского князя с римским цезарем Августом, в связи с чем в работах других авторов отождествлялись по созвучию русы и пруссы. Не согласился он также с отождествлением по созвучию варягов и прибалтийского славянского племени вагров.

Вместо эвристического объяснения происхождения варягов от конкретного племени Т. З. Байер начал изучать эту проблему в соответствии с основами исторической науки Нового времени. На основании сведений о варягах в русских летописях и древних

⁴ *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 146–216.

исторических источниках он проанализировал их имена, включая княжеские, впрочем, не без ошибок, свойственных науке XVIII столетия. Байер установил соответствия именам варягов в шведском, норвежском и датском языках, а также в средневековых латиноязычных и грекоязычных хрониках, в скандинавских сагах и в надписях на рунических камнях. Он определил также социальные функции варягов на Руси. Это — знатные по происхождению скандинавы, шведы, готландцы, норвежцы, датчане на военной и гражданской службе. Основную свою задачу — определить происхождение и значение слова *варяг* — Байер решить не смог. Он отмечал функциональные связи этого понятия с представлениями о разбойных нападениях, о воинах-наемниках. Но под явным влиянием начальных фраз «Анналов» римского историка Тацита Байер написал по отношению к русской истории: «Руссы изначально имели своих царей от варягов»⁵.

Статья Т.З. Байера «О варягах» показала, что Русь изначально была включена в общеевропейский исторический процесс. Он ввел в научный оборот значительное число известий латиноязычных, грекоязычных и скандинавских исторических источников о Руси и норманнах с IX в., проявил замечательную эрудицию, принял участие в обсуждении этих сообщений, если они ранее анализировались его предшественниками и современниками. Но он же сформулировал тезис об изначальном норманском происхождении русских князей, что подразумевало в то время основание норманнами Русского государства.

Это исследование Т.З. Байера на «норманскую» тему, как и другие его работы, в которых упоминались скандинавы на Руси, тогда не воспринимались как антироссийские. В правление Анны Ивановны (1730–1740), когда публиковались его разыскания, продолжалась петровская традиция активного приглашения иностранных специалистов. Тогда еще недоставало российских профессионалов. К тому же императрица чувствовала себя увереннее в окружении иностранцев на русской службе, к которым она добавила «своих» курляндцев. Причинами

⁵ *Bayerus Th.S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. Ad annum 1729. 1735. T. 4. P. 275–311.*

этого стали не только особенности ее воцарения с уничтожением «кондиций», но также ее стремление утвердить на российском престоле царскую ветвь своего отца, Ивана V Алексеевича, старшего единокровного брата Петра I (царствование Ивана VI Антоновича, Анны Леопольдовны, регентство Бирона в 1740–1741 гг.). Так что признание Байером варягов скандинавами не вызвало критики в Петербургской Академии наук, а мысль о возможности создания государства одним человеком, в российской истории — Рюриком, была широко распространена в разных общественно-политических и научных направлениях не только в XVIII, но и в XX в.

В 1730-е годы другой профессор истории и академик Петербургской академии наук, Герард Фридрих Миллер (1705–1783), характеризовал людей, которых называли «варягами», как скандинавов. Определяющим в этом названии он считал не этническую принадлежность, а занятия мореплаванием⁶. Между тем после дворцового переворота, который 28 ноября 1741 г. возвел дочь Петра Великого Елизавету на престол, суждения об особом значении иностранцев в российской истории оказались в другом идейном и общественно-политическом контексте. «Немцы», составлявшие ближайшее окружение Анны Ивановны и ее преемников, не только находились между Елизаветой и тронном. Они могли осуществить намерения «Ивановичей» лишить Елизавету свободы и даже жизни. Поэтому приговор суда о демонстративно жестоких казнях графа А. И. Остермана, фельдмаршала Б. Х. Миниха, обер-шталмейстера графа К. Г. Левенвольде, а также кабинет-министра М. Г. Головкина и члена Коллегии экономии И. Темирязева (хотя казни и были заменены тогда же ссылками) символизировали решительные изменения во внутренней политике в начале царствования Елизаветы (1741–1761). В частности, из высшего государственного и армейского управления были удалены иностранцы. Под явным влиянием елизаветинского фаворита А. Г. Разумовского началось пресле-

⁶ Müller G.F. Nachricht von einem alten Manuscript der Russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiof // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1732. Bd. I. 1. Stück. S. 1–4.

дование иноверческих богослужений, а также старообрядцев и квакеров⁷.

Вероятно, эти меры, осуществлявшиеся в 1740-е годы, интриги советника академической Канцелярии И.Д. Шумахера и его окружения, управление Петербургской академией наук ее президентом К.Г. Разумовским, братом императорского фаворита, содействовали формированию у М.В. Ломоносова негативного отношения к ее «немецкому» руководству. Но это не были понимаемые некоторыми учеными в XX — начале XXI в. «антинемецкие» настроения. Ломоносов высоко чтит выдающегося ученого, одного из своих научных руководителей в Марбургском университете во время обучения в Германии (1736–1741) — Христиана Вольфа. Перевод его труда, посвященного экспериментальной физике, Ломоносов опубликовал в России уже в 1745 г. Женился он по любви в Германии на немке. Последовавшая затем острая дискуссия по «норманской проблеме» свидетельствовала об антинемецких настроениях при петербургском дворе 1740-х годов.

Суть этих тенденций сформулировал В.О. Ключевский: «В исторических взглядах Ломоносова отразилось влияние господствующей идеи царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна всё делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени»⁸. Такая идея относительной политической и экономической самоизоляции, как и елизаветинские меры против «немцев» и иноверцев, тоже противоречила петровской концепции органического экономического, политического и культурного единства России с другими европейскими странами, хотя очевидны были ее быстрые положительные следствия.

Идейная ситуация в конце 1740-х годов осложнялась придворными интригами. Братья П. И. и А. И. Шуваловы противостояли А.Г. Разумовскому, фавор которого завершался. На смену ему

⁷ О законодательных мерах Елизаветы Петровны в начале ее царствования см.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 270–291; *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 2005. С. 108–113 (ЖЗЛ. Вып. 1138 (938)).

⁸ *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // Сочинения: В 8 т. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М., 1959. С. 410.

брatья Шуваловы готовили в фавориты своего прекрасно образованного восемнадцатилетнего двоюродного брата И. И. Шувалова. Возможные изменения при дворе могли воздействовать на положение президента Академии наук К. Г. Разумовского, родного брата еще находившегося в статусе фаворита А. Г. Разумовского.

Внутренняя политика в России 1740-х гг. осложнялась ее активной поддержкой Австрии в Войне за «австрийское наследство», хотя Россия и не участвовала в сражениях. В стране усилились административный надзор и давление на интеллектуальную жизнь. Контроль над переводами в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые издавались Академией наук, был поручен М. В. Ломоносову в соответствии с решением от 6 мая 1748 г. академической Канцелярии, исполнявшей правительственные распоряжения. В частности, жестко контролировалось содержание публикуемых статей: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ее союзников касается, в Ведомости не вносить же»⁹. До продажи тиража «Ведомости» на русском и немецком языках по одному экземпляру должны были передаваться в «домовую канцелярию» канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, сторонника союза России и Австрии¹⁰.

За исполнением этого постановления внимательно следили. Когда разразился скандал в связи с тем, что в «Ведомостях» о повышении И. И. Шувалова в камер-юнкеры сообщалось без указания его отчества, М. В. Ломоносов в свое оправдание сообщил И. Д. Шумахеру в письме от 17 ноября 1749 г., что в его обязанности не входит наблюдение над содержанием «российских артикулов» в «Ведомостях»: «Затем в них я ничего переменять не должен, кроме погрешностей в российском языке, а особливо что в *данной мне инструкции предписано от всяких умствований удерживаться*»¹¹.

⁹ Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 9. С. 197.

¹⁰ Там же. С. 195–197.

¹¹ *Биллярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 134–137; *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений (далее — ПСС). М., 1957. Т. 10. С. 468, 806–807; курсив наш.

О положении ученого в век абсолютной монархии и фаворитизма М. В. Ломоносов написал в поэтическом экспромте в последний год царствования Елизаветы Петровны, когда уже являлся знаменитым ученым и поэтом, активно участвовал в организации науки в России и стремился улучшить положение российских исследователей для пользы прежде всего отечества. Свои горестные размышления Ломоносов предварил точным указанием обстоятельств создания стихотворения перед прибытием в императорскую резиденцию — «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен, / Коль больше пред людьми ты щастьем одарен! / <...> Ты скачешь и поешь, *свободен*; беззаботен; / Что видишь, все твое; везде в своем дому; / *Не просишь ни о чем, не должен ни кому*»¹².

Такое переплетение общественно-политических идей, придворных интриг, административного контроля и давления создали чрезвычайно сложную обстановку вокруг ассамблеи Академии, назначенной на 6 сентября 1749 г. и посвященной тезоименитству императрицы. К тому же она должна была продемонстрировать успехи Академии как следствие недавнего введения ее устава. На этом заседании должны были присутствовать императрица и ее двор.

В соответствии с предварительно составленной программой ассамблеи Г. Ф. Миллер должен был прочесть диссертацию, как тогда называли научный доклад, под названием «Происхождение народа и имени Российского». Доклад с таким названием неизбежно оказывался в зоне особого внимания инициаторов елизаветинской этнокультурной политики 1740-х годов, а также ученых с их профессиональными знаниями. Этот доклад мог стать частью придворных интриг, свойственных абсолютистскому государству. Поэтому по приказу К. Г. Разумовского собрание было перенесено на 25 ноября, годовщину вступления Елизаветы Петровны на престол, а диссертацию Г. Ф. Миллера следовало подвергнуть «апробации» в самые короткие сроки. Назначенным

¹² Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 736; курсив наш.

в качестве экспертов профессорам, включая М.В. Ломоносова, и адъюнктам было поручено установить, «не *существует ли в одной чего для России предосудительного*, и по свидетельстве объявить им о том свои мнения письменно в Канцелярию»¹³.

Основными участниками этой дискуссии являлись Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов. Первый из них утверждал, что имя *руссы* восходит к названию шведов через фонетическое посредство финского языка. Руссы — народ, который возник от смешения варягов со славянами. Рюрик и его потомки — из шведского рода. По мнению М. В. Ломоносова, россияне и их имя восходят к роксоланам. Роксоланы — один из сарматских народов, тогда как славяне и сарматы — один народ. Варяги и Рюрик с братьями — славяне. Славяне и руссы до появления варягов являлись единым племенем. Россы — народ, смешавшийся с аланами. Они находились между Днепром и Доном. Произношение *росс* трансформировалось в *русс* под влиянием польского языка. Но основные противоречия М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера заключались в том, что миллеровская интерпретация исторических событий подразумевала общественно-политическую отсталость славян в сравнении с варягами-скандинавами, которые основали Русское государство, тогда как ломоносовская концепция исходила из внутренних закономерностей его формирования.

Научное содержание этой дискуссии и приводимых обеими сторонами доказательств отражало уровень развития исторической науки первой половины XVIII в. Но концепция Г. Ф. Миллера обращала внимание на необходимость научного изучения скандинавов в Восточной Европе в IX–XI вв., тогда как концепция М. В. Ломоносова — на этнокультурную традицию и саморазвитие. Впрочем, Канцелярия Академии наук постановила отпечатанные экземпляры диссертации Г. Ф. Миллера уничтожить, а рукописные авторские экземпляры сдать в академический архив. В ходе обсуждения диссертации в 1749–1750 гг. Г. Ф. Миллер бескомпромиссно возражал и даже оскорблял

¹³ *Биллярский П. С.* Материалы... С. 129–132; Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 10. С. 66, 74, 83; *Ломоносов М. В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 547; курсив наш.

своих оппонентов. По указу от 6 октября 1750 г. за подписью К. Г. Разумовского он на год был лишен профессорского звания и понижен в адъюнкты. Ему запрещалось присутствовать в Академическом собрании. В случае непослушания ему угрожал суд. Впрочем, после покаянного письма Г. Ф. Миллера К. Г. Разумовский вернул ему профессорскую должность, но с обязанностью заниматься только написанием «Сибирской истории», работу над которой по собранным во время сибирской экспедиции материалам Г. Ф. Миллер никак не мог завершить¹⁴.

В отличие от критиков Г. Ф. Миллера секретарь академического Исторического собрания поэт В. К. Тредиакowski в своем отзыве от 13 сентября 1749 г. поддержал возможность публикации обсуждаемой диссертации и ее произнесения на академическом собрании. Он обратил внимание на еще малую изученность древней русской истории и ввел в характеристики выводов исследователей математическую категорию вероятности: «Каждое утверждение будет иметь разные степени вероятности, то есть будут они больше или меньше вероятны, а никогда не получают себе математические достоверности». Поэтому он обобщил: «Итак, когда я говорю, что сочинитель сея речи с нарочитою вероятностию доказывает свое мнение, то разумею, что автор доказывает токмо вероятно, а не достоверно». Эта «нарочитость» сохранится до того времени, «пока кто другой большие и достовернейшие [доказательства] не подаст в рассуждении сего»¹⁵. Такой вывод предостерегал против категоричности и однозначности авторских суждений, оставляя место разным исследовательским методам и накоплению источниковых материалов, в частности в изучении «норманской проблемы».

В научной литературе обычно рассматривают двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны как единое в своем политическом и идейном содержании. Между тем на рубеже 1740-х —

¹⁴ Материалы... Т. 10. С. 581–586; *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 365.

¹⁵ *Биллярский П. С.* Материалы... С. 756–758; курсив наш. Подробнее о диссертации Г. Ф. Миллера и ее обсуждении см.: *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 548–589.

1750-х годов в России стали распространяться идеи и книги французских просветителей. В середине 1750-х годов Россия была вовлечена в общеевропейскую систему коалиций, что завершилось Семилетней войной (1756–1763) Австрии, Франции, России, Швеции, Саксонии против Пруссии и ее союзников. Во второй половине 1750-х годов Россия в полной мере вернулась в европейское политическое и культурное пространство.

Историческим концепциям просветителей были свойственны идеи единства исторического процесса, противопоставление варварства, архаических форм бытия и цивилизации, т. е. достижений общественно-политического устройства, материальной и духовной культуры. Это единство проявлялось в средние века также во всеобщем распространении феодального строя¹⁶. Вслед за Ш. Монтескье и «Энциклопедией» Д. Дидро и д'Аламбера немецкий философ и просветитель И. Г. Гердер соотносил появление и распространение феодализма («ленного строя») с расселением в Европе германских племен, с превращением завоеванных земель во «всеобщую собственность» или «общее владение», которые после распределения королем между воинами становились частным владением с отношениями в нем господства и подчинения, с их вассальными отношениями к королю¹⁷.

Такое расселение германцев в Европе и его последствия подразумевали включение в этот исторический процесс северных германцев — скандинавов-норманнов.

Еще в конце правления Елизаветы Петровны, но в новых общественно-политических и идейных обстоятельствах, М. В. Ломоносов вернулся к определению этнической принадлежности варягов. В официально заказанном ему и изданном в 1760 г. Академией наук «Кратком Российском летописце» он написал, что по берегам Балтийского моря жили варяги, разные по происхождению народы — россы, готы, норманны, свеи, т. е. шведы,

¹⁶ *Voltaire*. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits sur l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII // Oeuvres complètes de Voltaire. S. l., 1785. Т. 16. P. 413–414.

¹⁷ *Herder J. G.* Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga; Leipzig, 1792. S. 230–292.

«ингряне». Они поселились «на многих местах», воюя и торгуя со славянами, путешествуя по их землям в Грецию¹⁸.

Эту мысль о многоэтничном содержании слова *варяги* М. В. Ломоносов значительно развил в первом томе «Истории Российской», названной в посмертном издании 1766 г. «Древняя Российская история». Ее седьмую главу, названную «О варягах вообще», он начал утверждением: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем». То есть в вопросе о происхождении слова *варяги* он пересмотрел в 1760–1765 гг. суждения об отнесении варягов только к шведам или только к славянам-ваграм или пруссам.

М. В. Ломоносов обоснованно написал, что не только шведы, норвежцы, исландцы, славяне, но и греки-византийцы использовали это слово. Поэтому он пришел к выводу, далекому от категоричности, но определенному: «Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам». При этом Ломоносов настаивал, что варяги «не были только одни шведы». Он отметил, что славяне участвовали в походах на Рим и на Грецию с «готическими и другими северными народами», а также в морских походах варягов¹⁹.

Таким образом, противопоставляя в особых конкретных обстоятельствах конца 1740-х годов славян и Руси западным странам, вагров-славян на востоке Европы варягам-скандинавам на ее западе, М. В. Ломоносов в соответствии с концепцией единства исторического развития интерпретировал в 1760–1765 гг. слово *варяги* как понятие, интегрирующее народы Балтийского побережья, включая скандинавов.

Состояние исследований «норманской проблемы» в просветительской парадигме обобщил Н. М. Карамзин (1766–1826) в изданном в 1816 г. первом томе «Истории государства Российского». Этот том, как и все первые шесть томов этого выдающегося

¹⁸ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 6. С. 293.

¹⁹ Там же. С. 203–204.

Сведения об авторах

Анисимов Евгений Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела древней истории России СПбИИ РАН, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, *vbrevis@yandex.ru*

Базарова Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, заведующая Научно-историческим архивом СПбИИ РАН, *tbazarova@yandex.ru*

Беспятых Юрий Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения СПбИИ РАН, *ybespyatykh@yandex.ru*

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна — доктор исторических наук, заместитель директора СПбИИ РАН по научной работе, *varvara_vovina@mail.ru*

Проскурякова Мария Евгеньевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения СПбИИ РАН, *m-proskuryakova@mail.ru*

Сазонова Татьяна Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела древней истории России СПбИИ РАН, *tv saz@rambler.ru*

Свердлов Михаил Борисович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела древней истории России СПбИИ РАН, *sverdlovmb@mail.ru*